

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает «Однажды...»

Каждое время года имеет свое очарование. С юных лет я обожал бегать в парк, чтобы понаблюдать за сказочными преобразованиями природы, вдохнуть весенние ароматы цветов и деревьев, послушать пение птиц, насладиться многоцветием осенней поры, посмотреть на искристый чистейший снег. В детстве всё казалось мне таким волшебным и сказочным. Когда из-за сильных вьюг и метелей обрывались электролинии и пропадал свет, в моём доме зажигалась керосиновая лампа, свечи, еда готовилась на газовой плите, отчего казалась еще вкуснее, чем приготовленная обычным способом. Если дожди заливали наш небольшой городок, мне позволяли при выходе на улицу надевать здоровенные резиновые сапоги деда, придававшие моему образу мужественный вид, летом гулять допоздна, весной не носить шапку.

В нашей уютной квартире жила большая семья, состоящая из нескольких поколений: моих родителей и родителей мамы. Когда мне исполнилось десять лет, мама развелась с отцом. Отношения у родителей были сложные, они часто ссорились из-за отсутствия работы у отца. Трудиться он не любил, с начальством скандалил, всё свободное время проводил с пивом на диване. Родители мамы зятя презирали, называли недоразумением и огромной маминой ошибкой, поэтому, когда, он собрал вещи и ушел из дома, радовались от души. Дедушка Вася меня любил, брал с собой на рыбалку, учил ремонтному делу, говорил, что я опора для матери и должен о ней всегда заботиться.

Через несколько лет бабушки Вали не стало, вслед за ней ушел и дедушка Вася, так мы с мамой остались совсем одни. Мама тяжело перенесла эту потерю, стала говорить, что больше не любит осень, отобравшую обоих родителей. Я понимал, что осень здесь вовсе ни при чём, но в глубине души осознавал, что время грустных воспоминаний навсегда лишило осень былого сказочного очарования.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, мама заболела воспалением легких. Всю долгую зиму я ухаживал за ней. Научился варить супы, гладить белье, даже печь блины. Всегда румяная, улыбчивая мама за несколько месяцев похудела так, что её с трудом узнавали соседи. Цвет лица стал бледным с оттенком зелени. Вьюги и пурги теперь приносили только страх, ведь аварии могли привести к холоду в доме, так противопоказанному маме. Никогда прежде я так не ждал окончания зимы, как в тот год. Оттепель принесла маме облегчение. Днем мы вместе ходили гулять в наш парк. Я

держал её худенькую ручку, наблюдал, как она радовалась весеннему солнышку, и был уверен, что беда позади.

Алименты отец практически не платил, накопления мамы быстро закончились, работу на холодном рынке ей пришлось оставить, я должен был взять все заботы о доме и маме на себя. Увлечение спортом, веселье с друзьями пришлось забыть. Друзья мамы устроили меня работать грузчиком на железнодорожный вокзал. Днем я ходил в школу, после занятий таскал коробки и прочие тяжести из грузовых вагонов поездов. Тяжелая работы выматывала меня, но через несколько месяцев я привык и стал замечать, как выгодно преобразилась моя фигура. Девчонки на физкультуре стали заглядываться на меня, шушукаться и громко смеяться в моём присутствии. Учителя нашей школы, узнав, что я содержу дом, стали относиться ко мне уважительнее, иногда жалели, помогали успешно закончить школу. Несмотря на все уговоры учителей уехать в большой город, чтобы поступить в университет, я не планировал бросать маму: поступил в местный строительный техникум, стал подрабатывать на стройках жилых домов, где на поруки меня взял пожилой крепкий наставник Иваныч. Он учил меня всем тонкостям электрического мастерства, вне рабочего времени натаскивал по слесарному делу, умению грамотно рассчитывать необходимые материалы. Благодаря его поддержке и приобретенным навыкам я делал в учебе невероятные успехи. На вопрос: «Зачем он возится со мной?» – Иваныч отвечал, что уважает таких трудолюбивых мальчишек, как я, ведь он сам являлся единственным кормильцем в семье рано овдовевшей матери с четырьмя младшими сестрами и больной бабушкой. Я был благодарен судьбе за нашу встречу, старался наставника не подводить и со временем стал считать его родным человеком.

Супруга Иваныча Мария Михайловна часто угощала нас с мамой свежей выпечкой. Иваныч баловал соленьями, картошкой и прочими плодами, выращенными на их огороде. Учитывая, что дети и внуки Иваныча жили в большом соседнем городе и почти не навещали родню, я стал помогать пожилой паре на огороде, чем вызывал у Марии Михайловны приступы нежности и слезы.

Несмотря на то, что мама стала выглядеть значительно лучше, чем после той тяжелой зимы, в прежнюю форму она не вернулась. Достав свой диплом, она смогла устроиться работать в школьную библиотеку. Платили крохи, зато мама была в тепле, в окружении прекрасных источников света – так она называла детей и книги, которыми зачитывалась в свободное время.

В последний год моего обучения мама часто болела простудами, осложнения

отражались на легких. Она решила пройти полное обследование. Заключение стало приговором: врачи обнаружили рак. Учитывая состояние сердца, операция была противопоказана, врачи предложили пройти лечение, которое должно было продлить жизнь мамы на несколько лет. От армии я получил отсрочку, начался новый этап нашей жизни.

Иваныч смог устроить меня в хорошую строительную фирму. Вечерами я «шабашил» на квартирных ремонтах, но не забывал делать маме сюрпризы в больнице. Из всех медицинских работников стационара я обратил внимание на молодую медсестричку, которая с особым теплом отнеслась к маме. Марина была нежной, приятной девушкой, недавно закончившей медицинское училище. Её родители были из деревни, жила она в нашем городе у своей одинокой немолодой тетки. Денег для того, чтобы снять квартиру, не хватало, поэтому приходилось молодой девушке терпеть все придирки женщины, которой уже не суждено было стать счастливой. Она старалась часто оставаться на ночные дежурства. Работал я допоздна, в больнице уже заканчивалось время посещения, но ради меня Марина нарушала больничный режим и позволяла нам с мамой видеться почти каждый день. Процедуры, назначенные врачами, были изматывающими; перед сном мамы я только успевал накормить её чем-нибудь вкусненьким и уверить, что со мной всё в порядке.

Нарушительница порядка выводила меня через черный вход и просила, чтобы я был осторожен, ведь домой приходилось возвращаться почти в полночь. Однажды у дверей она, смутившись, призналась, что я ей очень нравлюсь из-за трепетного отношения к маме. Я посмотрел в её глаза и почувствовал сильное волнение. Бесконечные хлопоты и проблемы не смогли научить меня правилам поведения с девушками, но интуитивно я почувствовал, что мне дали шанс обрести любовь. Я приблизился к Марине и поцеловал её в губы. Она нежно обвила руками мою шею, я прижал её хрупкое, нежное тело к себе. Вдруг в коридоре послышались шаги, мы должны были опомниться, оказалось, кто-то вышел погасить свет, позволив нам насладиться первым сладким поцелуем сполна...

Той летней ночью я почти не спал. Легкое покалывание пальцев рук и ног, неизвестное раньше волнение, разыгравшаяся фантазия, океан страстных желаний не позволили сомкнуть глаза. Следующим вечером я принес два букета цветов – для мамы и моей похитительницы сна. Мама сразу поняла: во мне что-то изменилось. Она искренне порадовалась моему вспыхнувшему чувству к Марине и сказала: «Любовь это прекрасное чувство. Но я для тебя тяжелая обуза». Слова мамы были обидными. Вся моя жизнь была посвящена тому, чтобы она выздоровела и всегда была рядом со мной. Она погладила меня по голове и попросила не приходить в ближайшие выходные в больницу, предложила немного времени уделить своему новому чувству. В субботу у нас с Мариной было первое свидание...

Когда я проснулся, предыдущий день мне показался сладким сном, но моя нежная возлюбленная девушка лежала обнаженная рядом, являясь живым подтверждением того, что всё происходило наяву. Она повернулась ко мне, приоткрыла голубые, словно небо, глаза и сказала: «Доброе утро, моя любовь!» Волна нежности охватила меня, я ответил: «Это ты – моя любовь...» Оторваться друг от друга мы смогли лишь к обеду.

Через несколько месяцев маму выписали домой. Мы с Мариной устроили настоящий пир, пригласили Иваныча с Марией Михайловной, но веселого праздника не получилось. Мама немного посидела за столом и сказала, что очень устала и хочет прилечь. Уходя, Иваныч отвел меня в сторонку и сказал, чтобы я готовился. Я спорил, уверял, что мама дома окрепнет и скоро вернется в школу, к своим книгам и детям. Наставник тяжело вздохнул, похлопал меня по плечу и ответил, что я всегда могу на него рассчитывать.

Родные стены действительно пошли маме на пользу. Мне хотелось, чтобы Марина переехала жить ко мне, но я понимал, что делать предложение в такой период нельзя, а унижать непонятым статусом просто не мог. Какая могла быть свадьба, когда я не знал, чем начнется и как закончится каждый день нашей жизни. Весной следующего года мамы не стало.

Когда природа просыпалась после долгого зимнего сна, и в воздухе пахло сиренью, я выл, словно раненый волк, уткнувшись в подушку и не понимая, как буду жить без моего родного человека. Марина помогла мне сделать всё необходимое для похорон, но я чувствовал, что двигаюсь и думаю, как робот. Когда все церемонии и поминальные дни были завершены, я замкнулся и отгородился ото всех. Как сомнамбула, ходил на работу, с Мариной почти не виделся. Вскоре мне пришла повестка в военкомат. Разбитый и раздавленный, я решил, что служба в армии пойдет мне на пользу. Пройдя медицинскую комиссию, я собрал вещи, чтобы отправиться туда, где мне ничего не должно было напоминать про трагедию в моей жизни.

Иваныч и Мария Михайловна обещали присматривать за квартирой. «А как же Марина?» – не удержались они от вопроса. В ответ я сказал, что не готов к семье. Окружающая красота очаровательной весны меня больше не радовала, вместо цветущих садов я чувствовал запах пепла и золы, любовь Марины не спасала от одиночества, окончательно поселившегося во мне. Девушку я решил отпустить, чтобы она смогла стать счастливой, не озираясь на мою боль.

Марина мужественно приняла мое решение. Спорить не стала, только сказала, что любит меня любого. Я не поверил этим словам, поскольку в таком состоянии сам выносил себя с трудом. Мы сухо расстались, и я уехал.

Совершенно другой мир поневоле встряхнул меня. Армейские будни вряд ли можно назвать сказочными, но занятия, дежурства, дисциплина позволяли не думать о прошлом, помогая зарубцеваться ранам в душе. Через несколько месяцев я получил посылку от Иванныча, в ней он оставил небольшое послание, в котором написал, что после моего отъезда Марина вернулась жить в деревню.

Через полгода я затосковал по моей маленькой медицинской сестричке, от которой пахло приятными духами и лекарствами, её улыбке, нежным поцелуям. Мне вдруг стало стыдно за свое малодушие и слабость. Моя маленькая ласточка всегда дарила свет и заботу, однако я, утонув в своём горе, сделал ей больно, своими руками уничтожил надежду на счастье. Мне захотелось позвонить ей, написать, но я не знал, что сказать, ведь моему поступку не было оправданий, а слова звучали глупо. Я решил объясниться по возвращении из армии.

Поскольку в своём призыве я был самым старшим и ответственным, офицеры мне часто поручали задания, которые сами не хотели делать, но могли доверить только мне. Оставалось несколько месяцев до моего дембеля, когда глубокой зимой мне дали поручение забрать коробку с какими-то бланками из комендатуры для нашей войсковой части. Армейский УАЗик, как всегда, был сломан, на задание я отправился пешком. Солнышко быстро скрылось за горизонтом, к дневному ветру присоединился снег. Пока я оформлял накладные, погода время даром не теряла. Порывы сильного ветра со снегом иногда полностью скрывали дорогу. Понимая, что непогоду переждать не получится, я отправился обратно. Благо идти было недалеко.

Снег, играя, перемел тротуары, пришлось идти по плохо освещенной пустынной дороге. Ветер подгонял меня в спину, борьба с гололедом давалась с трудом. После очередного падения я вдруг услышал резкий скрежет металла и почувствовал сильный удар, откинувший меня на обочину. Острая боль пронзила всё мое тело, теплая кровь ручьем хлынула по замерзшему лицу. Дальше всё было словно в тумане. Помню, как перепуганный мужчина выскочил из КамАЗа, сбившего меня. Он все время говорил: «Держись сынок, я не нарочно, не увидел, занесло...» — подхватил меня под руки и потащил в машину. В бреду я просил забрать бланки и позвонить маме. Потом потерял

сознание...

Очнулся я в темной комнате, было тихо и тепло. Я почувствовал легкость во всём теле и необъяснимый восторг в душе. Попытался позвать на помощь, но не смог произнести ни одного слова. Вдруг меня ослепил яркий свет. Когда глаза понемногу привыкли, я увидел, как вдалеке тихо и спокойно крупными хлопьями падает снег, и вдруг вспомнил, как в детстве языком ловил такие снежинки, обожал, когда они медленно таяли на моих ладонях. Мне стало тепло от этих воспоминаний. Я решил шагнуть навстречу снегопаду. На удивление, ноги меня не слушались, я стоял, будто вкопанный. Вдалеке я вдруг увидел два силуэта. При близком рассмотрении понял, что ко мне навстречу движется мама, рядом с ней, держась за руку, шла девочка лет пяти шкодливой наружности, в красном платье.

Красивая молодая мамулька, как прежде румяная, улыбалась мне. Снег падал на её каштановые волосы, лишенные седины. Он не таял, придавая особое свечение её образу. Мысленно я произнес, что хочу к ней. В ответ услышал, что еще очень рано. Она поругала меня за уныние и горе, которые до сих пор не оставляли меня. Мама нежно погладила девочку по голове и сказала: «Тебе есть ради кого жить, она просила тебе помочь». Я пытался узнать, кто она такая и о чём идет речь, но сильная резкая боль заставила меня закричать. Снег исчез вместе с неожиданными гостями, остался только яркий свет ламп реанимационного отделения и врачи, склонившиеся надо мной.

Врачи сказали, что я родился в рубашке: после таких ударов люди в этот мир уже не возвращались. Я спорить не стал, мне показалось, одной ногой я действительно побывал в другом мире. Водитель КамаЗа вплоть до выписки посещал меня. Отец двоих сыновей, моих ровесников, не на шутку перепугался и готов был нести любое наказание. Но расследование подтвердило теорию о несчастном случае. Что касается последствий в моей войсковой части, то там не обошлось без разборок и наказаний. Из-за травмы моя служба в армии закончилась раньше установленного срока. Ранней весной я вернулся домой. Навестил Иваныча с супругой. Побывал на кладбище у родных. Узнал в отделе кадров, где жила Марина, и отправился в деревню, чтобы рассказать своей возлюбленной о «приключениях» во сне и наяву.

Меня встретила печальная немолодая женщина, объяснила, что Марина находится в тяжелом состоянии. Врачи не смогли поставить ей диагноз, отправили домой, а бедняжка тает на глазах. Я представился женихом и попросил проводить в её комнату. Свет мама зажигать не стала, позвала её по имени. Тихий голосок ответил, что она ничего не хочет и просит оставить её в покое. Подойдя поближе, я назвал её своей

ласточкой. Марина резко повернулась ко мне, закрыла лицо руками и заплакала. Я обнял моего маленького медицинского работника и стал нежно целовать её и шептать слова любви. Она прислонила ладони к моему лицу и, не отрываясь, смотрела, словно не верила, что я – это я.

Летом того же года мы поженились. Праздник получился веселым и счастливым. Иваныч и Мария Михайловна были представлены родителям Марины моей родней, таковыми они и оставались до последних своих дней. Со временем я стал забывать про то, что случилось тогда, во время пурги. Думал, что мама с девочкой были только сном. Научился видеть и ценить красоту вокруг, любить осень, восхищаться весной. Лишь светлая грусть напоминала о потерях в разное время года, ненадолго закрывая очарование этого мира. Но теперь я верил, что ТАМ моим ушедшим близким должно быть светло и тепло. Лишь слова мамы о девочке не выходили из моей головы. Но всё стало понятным, когда у нас с Мариной родилась дочь. Это сокровище стало настоящим смыслом моей жизни. Маленькая веселая шкода была яркой звездочкой в нашей семье. А когда на пятилетие Машеньки я увидел её в том самом красном платье, понял, кто так сильно старался меня спасти...

Ариша ЗИМА